

Итак, разрешите представиться. Моё имя Аристотель. Шубка у меня серебристо-серая в тёмную полоску, усы длинные, глаза большие и выразительные. Красавчик, да и только! В самом расцвете сил – четвёртый год разменял как-никак. Проживаю по адресу: город Вупперталь, улица Бергишер-Ринг. Если бы меня спросили, что это за место, я бы ответил: «Так себе кварталчик – в пригороде, скукотища». Да кто ж кота-то спросит?

Больше всего на свете я люблю сидеть у Анны на коленях. Особенно когда девочка делает уроки. Так она хотя бы сидит спокойно и не норовит куда-нибудь убежать. А ещё я обожаю, когда Анна гладит меня. Но, увы, это редкость! Будь я по детям главный, велел бы им уроков задавать гор-р-р-р-а-а-аздо больше. Именно тем детям, у кого есть коты. Чтобы сидели дома за тетрадками часа по три. Лучше – по четыре. А то всё носятся где-то на улице и не обращают на нас никакого внимания. Тоже мне!

Вам, наверное, не терпится узнать, почему у меня такое кошмарное имя? На это у меня

один ответ: самому интересно. Аристотель! Фр-р-р. Разве справедливо, что ты не можешь сам себе выбрать кличку?

Кстати, у Анны та же проблема: девочке совсем не нравится её имя. А вы вообще знаете, кто такая Анна? Нет? Сразу бы и сказали. Пойдёмте со мной, покажу её комнату. Она наверху, всего каких-то пять прыжков по лестнице — и мы на месте. Осторожнее! Смотрите под ноги и не споткнитесь. В прихожей валяется целая гора обуви. Пять человек в доме живёт, а убираться никто не хочет. Родители Анны иногда пытаются, но их усилий ненадолго хватает. Так что порядок здесь редкость.

Поднялись? Пойдёмте дальше. Мимо родительской спальни, комнаты Линды (младшая сестрёнка Анны) и мимо ванной. Там такой тёплый пол, и весь в красивой плитке! А вот комната Олли, старшего брата Анны. Из-за его двери, как обычно, доносится грохот отбойного молотка. Простите, ну конечно, музыка. По крайней мере, Олли так считает. Лично у меня от его музыки уши болят и шерсть на загривке топорщится. Наконец мы подошли к последней комнате — это спальня Анны. На двери — красный плакат: «Без стука не входить!»

— Вы что, читать не умеете? Не видите, что на двери написано?! — постоянно возмущается Анна. Но стучаться никто даже и не думает.

Мне этот плакат не страшен. Чем коту стучать, скажите на милость? Да и вообще, Анна обожает меня.

У девочки чудесная комнатка в мансарде. Самая уютная! Наверное, потому что маленькая и стены чуть-чуть под наклоном. И выкрашены в розовый. Теперь и мой любимый цвет — розовый. Только тс-с-с, никому ни слова. Я же всё-таки кот, а не кошка. Перед кроватью Анны лежит пушистый коврик. В отличие от Олли кровать у неё обычно заправлена и чаще всего накрыта пёстрым пледом, а на нём важно восседают куклы и мягкие игрушки.

Сейчас на этой кровати сидит Анна — вместе с Кларой, лучшей подругой. Обложились подушками, ноги под плед упрятали. Я запрыгнул к ним и лёг между девочками.

— Ну почему у меня такое дурацкое имя? Вот у тебя — красивое! — тем временем жаловалась Анна. — И кому пришло в голову называть меня Анной? Наверняка это была идея Олли — чисто из вредности!

– А по-моему, Анна – не так уж и плохо, –
утешала её Клара.

Но Анна была непреклонна:

– Да Аннами только бабулек зовут!

– Бывают бабульки, которых Кларами зовут, –
отвечала Клара. – Я вот одну уже знаю и...

Анна снова перебила подругу:

– Но «Клара» хотя бы звучит красиво! Кла-
ра... Как кларнет. Или как вода. Скажешь
«Клара» – и перед глазами журчащий лесной
ручеек.

– Может, тебе какое-нибудь прозвище придумать? – неожиданно предложила Клара.

Анна радостно закивала:

– Отличная мысль! – но сразу же задумалась: – Но как самой себе придумать прозвище?

Подружки принялись соображать. Да так долго, что даже забыли обо мне. Ещё чего не хватало! Пришлось пихать Анну под руку, пока она вновь не принялась за мою шёрстку.

– Кто-то должен просто взять и придумать тебе другое имя, – наконец произнесла Клара. – И так называть тебя, пока остальные не переучатся.

– Может, ты и начнёшь? – предложила Анна. – Почему нет?

– Вполне могу, – пожала плечами Клара. – А какое ты хочешь прозвище?

– Может быть, Анастасия? – раздумывала Анна. – Мне бы понравилось.

Как по мне, «Анастасия» звучит очень даже неплохо. Аристотель и его Анастасия. Я спрыгнул с коленей девочки и завертелся, чтобы показать, как мне нравится её предложение.

Но Клара только поморщилась.

– Слишком длинно. Прозвище должно быть короче имени.

— Короче, чем Анна, не подберёшь, — насупилась девочка.

— А ещё можно придумать забавное прозвище. Например, чтобы кончалось на «и» — очень мило звучит. Вот как у Олли — его же никто не зовёт Оливером.

Почему бы им тогда не позаботиться о моём прозвище? Аристоти, например. Или просто Тоти. Но девочки без умолку болтали и будто не замечали меня.

— Ну ты же не намекаешь на то, чтобы называть меня Анни? — запротестовала Анна. — Это вообще не круто! И совсем не звучит!

— Хмм... — задумалась Клара. И вдруг предложила: — Можем составить список. Ты десять прозвищ и я десять, а потом мы выберем одно.

— Не «мы выберем», а «я выберу», — уточнила Анна.

Она спустила меня на пол, спрыгнула с кровати, достала с полочки тетрадку и вырвала из неё два листа. Фр-р-р! Я тут же выгнул спину и прижал хвост — терпеть не могу этот звук.

Когда Анна снова попыталась устроиться на кровати, её тёпленькое местечко было занято. Мною.

Она засмеялась:

— Что, Аристотель, тебе мало обнимашек?

Конечно, мало. Что может быть лучше объятий? И кто сказал, что хорошего мало не бывает? Ещё как бывает! Но Анна, увы, не разделяла моего мнения и отпихнула своего любимого кота в сторону.

Девочки взяли по книжке, чтобы было удобнее писать, и принялись придумывать имена. Сначала они писали увлечённо и быстро, но идеи вскоре закончились. Я даже перестал слышать чирканье ручки по бумаге. А пока Анна рассматривала узоры на обоях, пытаюсь хоть что-то ещё придумать, я тихонько протиснулся под плед поближе к её ногам. Ах, как хорошо было здесь лежать! Тепло и уютно. Хотите знать моё мнение? Лично я считаю, что Анна — красивое имя. Мне вообще всё в ней нравится!

Тишина и спокойствие, увы, очень скоро были нарушены. Олли вышел из своей комнаты: бешеная музыка вырвалась из заточения, шум и грохот заполнили весь дом. Как прекрасна была бы моя мирная жизнь без этого мальчишки! Сначала хлопнула дверь его комнаты, а затем и Анниной. Олли, конечно же, ворвался к нам без стука.

— Кто из вас взял мой ноутбук?

Анна аж подпрыгнула от негодования. А Олли, конечно же, направился к кровати и плюхнулся прямо на меня.

— Уматывай отсюда! — завопила Анна. — Сколько раз повторять: стучаться надо! Я же к тебе стучусь!

Но вдруг она вспомнила про исписанный листочек, который всё ещё держала в руках, и поспешно запрятала его за спину. Увы, было слишком поздно. Кто так прячет? Разумеется, Олли сразу заинтересовался.

— Что это ты тут прячешь? А ну, покажи!

Я грозно выгнул спину и зашипел на него что есть сил. Да толку-то.

Олли меня как будто не замечал.

— Наверняка любовное послание! — он выхватил листочек у Анны из рук.

Подумаешь, победил. Он же старше и сильнее. Олли принялся читать вслух:

— «Прозвища для Анны Фритцевски: Анастасия, Кати, Аннабелла, Фритци»... Ты что, хочешь, чтобы тебя звали Фритци? Ха-ха, я сейчас лопну от смеха! Фритци! Фритци-дритци-повернитци!

Анна была вне себя от возмущения.

– Отдай сейчас же! Слышишь?! – кричала она.

– Так забери! Давай, допрыгни! Что, не получается?! Или боишься меня?

Олли радостно плясал по комнате с бумажкой. Махал ею в воздухе. Он был совершенно уверен в своей победе. Анна пыталась отобрать у него листок, но где же ей угнаться за братом?

– Клара, помоги! – отчаянно завопила она.

Но у Клары не было старшего брата. Она всегда побаивалась Олли и поэтому ещё глубже вжалась в подушки. Но вот Анна наконец-то вспомнила и мои уроки. Она вскочила на кровать и прыгнула оттуда, как кошка, через всю комнату прямо на Олли. Я сразу понял её замысел и тут же стартовал с другой стороны. Должен же хоть кто-то ей помочь?

Но и это ни к чему не привело. Олли просто стряхнул нас обоих. Да ещё захохотал, когда Анна упала и ударилась. Потом смял бумажку и запустил сестре в лоб.

— Фритци, Фритци — на кровать пипитци! Ой, спасите, а то я лопну от смеха! Ну и тупизм — это ж надо додуматься!

Анна завопила в ответ:

— Фритци — начало нашей фамилии! Ты дурак, если ничего не понимаешь! У самого тупизм на всю голову!

— Фу, как не стыдно! — загоготал снова Олли и наконец выбежал из комнаты. — Пока, Фритци-пипитци! А тебе идёт новенькое имечко, Фритци-пипитци! Теперь так и буду тебя называть.

Бедная Анна! Всё пропало. Вот так прозвище! Видимо, с ним получается, как с именем.

Кто-то тебя раз — и назвал. И живи как знаешь, уже никуда не деться.

Анна спустилась на кухню, где мама готовила ужин.

— Мама, Олли украл мою записку! И порвал её! Он ко мне в комнату вломился! Без стука! И...

Дальше мама не слушала. Вышла в коридор и закричала, задрав голову:

— Это что ещё за новости, Олли? Не приставай к сестре! И хватит шуметь! Выключи свою музыку и помоги накрыть на стол.

— Ну что за невезуха, а?! Почему именно мне такой дурной братец достался? — тем временем хныкала Анна. — Всё, больше не стану терпеть его выходки! Вечно он меня доводит!

— Да ладно, Анна, ты его тоже доводишь, причём регулярно, — хмыкнула мама.

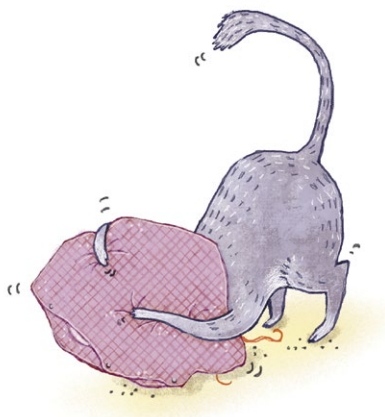
На кухню зашёл папа, держа на руках Линду, младшую сестрёнку Анны и Олли. Они развешивали в подвале бельё. У Линды в кулачке была зажата прищепка. Опасно это, ох как опасно: как-то раз она уже пыталась мне такую на ухо повесить. Поэтому на всякий случай я спрятался от неё под стол.

Папа включил радио:

– Да потише вы, новостей не слышно!

И он что-то там покрутил... Ничего себе «поттише»! Мне аж уши заложило...

Тем временем Клара незаметно ушла домой. И я её понимаю. Я тоже больше люблю сидеть где-нибудь в тихом местечке, например в подвале. Наверху для меня как-то чересчур оживлённо. Ну, зато теперь вы примерно представляете, как тут всё устроено, у Фритцевски. В семье, которая наградила меня таким выдающимся имечком – Аристотель. Сплошной хаос, истерики и вопли!

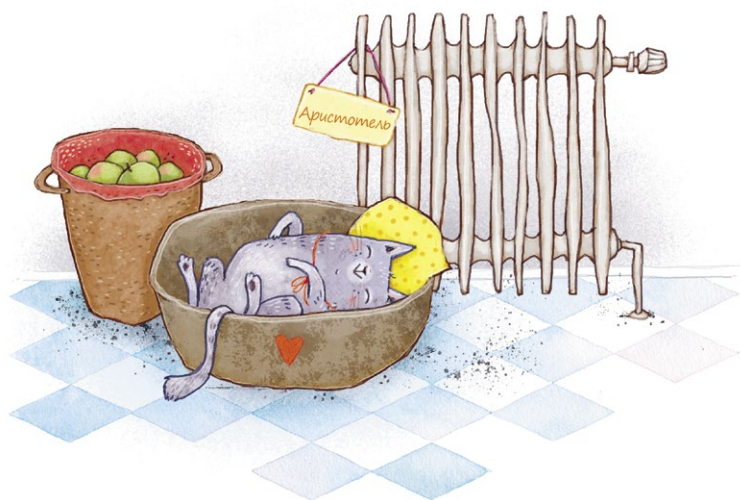

Одно я всё же вынужден признать: здесь гораздо лучше, чем в приюте для животных, где я жил раньше. Намного лучше. Сами попробовали бы целый год провести в приюте вместе с уймой кошек. А в моём их было сто тридцать две! Спорим, после такого вы были бы рады любому местечку?! Даже окажись оно в подвале, как у меня поначалу. Больше всего, конечно, мне хочется жить у Анны в комнате. Но я над этим работаю. Не волнуйтесь: последнее слово ещё не сказано. И я так просто не сдамся!

Вообще подвал гораздо лучше прихожей. Они сперва хотели меня там поселить. Но я упёрся всеми лапами. Задними в основном. А передними — слегка ободрал им обои. Из чувства протеста. Они сначала не поняли. Правда, дня через два до них наконец дошло. Чтобы я да в прихожей? Не бывать такому! Там же сквозняки — ещё заболею! А двери, которые всё время грохают? А это вечное шнырь-шнырь туда-сюда? А нескончаемое динь-динь и прыг-прыг? И все пятеро всё время вопят друг на друга: «Я сумку забыла!» — «Где мой мобильник?» — «Да пошевеливайтесь вы уже!»

Нет уж, спасибо. В подвале мне куда лучше живётся — в старой корзинке, которая стоит возле батареи. Правда, здесь вечно пахнет яблоками, но мне это в тысячу раз милее, чем вонючие ботинки Олли в прихожей. С ними по части аромата ни один противный сыр не сравнится!

В приюте, если мне хотелось побыть в тишине или полюбоваться видом из окна, я забирался на когтеточку. И частенько там посиживал. В тот день, когда пришли родители Анны, я как раз там и сидел. Сидел и ворчал про себя: почему я кот, а не пёс? Не то чтобы я собак люблю, скорее наоборот. Просто почти

все, кто к нам приходил в приют, не хотели брать котов. Собак им, видите ли, подавай. Приходили с полными карманами вкуснятины, искали себе какого-нибудь пустобрёха. Дворняги, даже самые противные, принимались хвостами вилять. Как же, понаехали гости на красивых машинах и с толстыми кошельками. (Да и кошки, если уж начистоту, не лучше себя вели.) Противно смотреть! Видели бы вы заносчивую морду очередного счастливчика, гордо шествующего на кожаном поводке к своей новой машине! Тьфу!

Мне все эти собачьи нежности были, разумеется, чужды. Если по-честному — я уже тогда решил на побег. Как они все надоели! Ни сна, ни покоя, вечная толкотня и грызня. Да у меня даже мисочки своей не было! Так что я твёрдо решил: лучше стану уличным котом. И как раз в этот момент мама Анны в меня пальцем и ткнула.

— Взгляни-ка вон на ту кошку наверху. Видишь? — спросила она папу Анны. — Прямо вылитый ты, когда очередную вселенскую проблему обдумываешь. Интересно, о чём она таком размышляет?

Сказал бы я ей...

Да только онемел от негодования. Она меня кошкой назвала! Какая низость! Но виду я не подал. Только взглянул на неё свысока. Потом она сказала, что кое-кто по имени Анна со мной точно подружится. Анна? И я замурчал как можно любезнее — чисто из любопытства. А когда родители Анны понесли меня к машине, я наградил всех обитателей приюта надменным прощальным взглядом. Раз уж представилась такая шикарная возможность, нужно было её использовать на всю катушку!

Увы, скоро от моей эйфории не осталось и следа. Вы сами когда-нибудь на машине ездили? Я гораздо романтичнее себе это представлял. А на самом деле меня так укачало, что я чуть наизнанку не вывернулся. Лапы словно в желе превратились. Конечно, как тут за себя постоишь? И повесили они прямо там, в машине, на меня, беззащитного, кличку эту кошмарную. Сказали, что я задумчивый, прямо как настоящий античный философ. Кто такой философ, я не знал, а за поездку очень умотался! Пришлось им меня, античного и утомлённого, самим домой нести. А мама Анны накинула на переноску чёрную тряпку. Я уж было подумал: хоронить они меня, что ли, потащили? Но ведь

я ещё жив? Хотя уже сам в этом сомневался — так мне плохо было. Потом понял, что тряпку примотали всего лишь для маскировки, чтобы Анна меня раньше времени не увидела. У неё был день рождения на следующий день, и мне отводилась роль главного сюрприза.

Но у них ошибочка вышла: заперли меня в подвале, а там праздничный торт стоял. Ну откуда мне знать, что он не для меня? Хороший был тортик, только все вишни я повыплёвывал, конечно. Подумаешь, полакомился кот. Мама Анны так перенервничала, когда увидела утром, что осталось от торта! Я сначала подумал, что теперь они меня обратно в приют отправят. Даже начал особое выражение морды

репетировать. Чтобы поприветствовать всех приютских, когда меня туда привезут. Ну, такое, знаете... Как будто я сам решил вернуться. Добровольно. И подождать, пока кто получше для меня найдётся. Уф, но всё обошлось. Оставили. Может, мама Анны испугалась, что мне в машине опять будет плохо? Вот только с тех пор они перестали тортики в подвал ставить. Лично я считаю, что зря.

Всего-то двух недель не хватает до полного года. Да, вот уже год, как я живу у Фритцевски. А они всё ещё не научились пунктуальности. Не хотят понять, что для кота график — важнее всего! Спят допоздна! Особенно по выходным. Приходится ждать целую вечность, пока кто-нибудь наконец меня накормит. Мой живот порой урчит громче, чем я сам мурчать умею. А толку? Никакого. Даже Анна и та не просыпается, как ни буди. Столько раз я пытался!

Вот и сейчас они спали. Видимо, пришла пора искать другие способы воздействия. Первым делом я побежал на кухню и осмотрелся. Здесь было полно пустых стаканов. Ага, значит, праздновали вчера! Взлетел на стол. И тут мой хвост — а что я могу поделаться, раз у меня такой прекрасный длинный хвост? — как будто

сам по себе нечаянно задел один из стаканов, и тот упал на пол. ДЗИН-Н-НЬ! Ну хоть теперь проснётся кто-нибудь в этом доме?

О нет! Как же я неудачно прыгнул, прямо на осколок! Кровь! Аристотель истекает кровью!

Пять прыжков вверх по лестнице и ещё один – прямо к Анне в постель. Она сразу же проснулась!

– Ну почему ты мне никогда не даёшь выспаться, Аристотель? – заворчала заспанная Анна. – Суббота же! Чего ты опять встал так рано?

Рано? Она правда сказала «рано»? На дворе день, наверняка уже где-то полвосьмого! Тогда я подставил раненую лапку прямо к носу девочки, чтобы та заметила. Она тут же подскочила на постели:

– Да ты весь в крови! Бедный мой Аристотель! Что случилось?

Ага, слышите? Такой тон мне гораздо больше нравится.

Всего мгновение — и Анна как будто и не спала вовсе. Она вихрем ворвалась в родительскую спальню:

— Аристотель порезал лапу!

Папа зарычал из-под одеяла:

— Ты бы хоть постучала, что ли, прежде чем вваливаться...

— Ага, мне стучать велите, — запротестовала Анна, — а Линде, значит, можно всю ночь у вас в кровати спать?! Мне вы такого не позволяли, даже когда мне было четыре!

Тем временем Линда уже проснулась. Хоть кто-то вовремя встал в этом доме. Девочка спрыгнула с родительской кровати, убежала в свою комнату и притащила оттуда ужасно громкую пластмассовую машинку с полицейской сиреной. Линда подошла к Анне и спросила:

— Поиграешь со мной?

Вот как мало им надо, чтобы напрочь про меня забыть! Вскоре встала и мама Анны, она взяла меня и пошла на кухню, чтобы вытащить стеклянную занозу из моей лапки. А Анна крепко держала меня. Ай! Это было очень больно!

— Может, сегодня займёмся ремонтом в моей комнате? — спросила Анна, когда они закончили меня мучить и сели завтракать.

Мама этому вопросу совсем не обрадовалась.

— У папы спроси. У меня совершенно нет времени, надо ещё уйму сочинений проверить...

Я уже говорил, что мама Анны — учительница? Надеюсь, со своими учениками она куда лучше справляется, чем с домочадцами.

— Вы всё обещаете и обещаете! — расстроилась Анна. — Моя комната похожа на детскую какой-нибудь четырёхлетки. Розовые стены, везде игрушки... А через две недели у меня, между прочим, день рождения! Что обо мне подружки подумают?

Что?! Э-э-эй! Почему Анна всегда только о себе и говорит? Разве она позабыла, что её день рождения — он и мой тоже? Кто, в конце-то концов, сидел почти год назад во главе праздничного стола? Но нет, увы, даже за завтраком обо мне никто не вспомнил. Фр-р-р! Но если сделать перестановку, у Анны в комнате наверняка освободится местечко и для меня! Поэтому я запрыгнул к Анне на колени и принялся усердно кашлять — конечно, по-кошачьи: пусть знает, что тот, кто обречён вечно жить в сыром подвале, может очень серьёзно заболеть.

– И я хочу перекрасить стены, – добавила Анна. – Надоел этот розовый!

– Да ну? – удивился папа. – Это с каких пор?

– Хочу бежевый. Как у Клары. Ей родители недавно комнату перекрасили.

– Фритци-малярици, – тут же наградил её Олли очередным прозвищем.

В отместку Анна принялась пинать его под столом, да так, что я упал с коленей. Девочка шипела:

– Ты мне надоел! Как жаль, что ты мой брат!

– Олли, ты поел? – со вздохом спросила мама. – Тогда можешь выйти из-за стола.

– Ах так?! Меня здесь больше не желают видеть? Ну, потом не просите вам мебель туда-сюда передвигать! – Олли возмущённо выскочил из-за стола.

Вдруг Анну осенило:

– Я хочу большое зеркало. Его можно будет повесить на ту стенку, возле которой сейчас стоит стеллаж.

Мама покачала головой:

– Пусть стеллаж стоит как стоял, Анна. А иначе куда девать твои школьные вещи и учебники?

— Но там единственное подходящее место для зеркала! — заныла Анна. — Остальные-то стены косые!

Ох, как же мне порой жалко родителей девочки. Хотя я, конечно, всегда на стороне Анны.

— А почему мне нельзя с Линдой комнатами поменяться? У неё места гораздо больше, и сама она меньше!

Тогда папа Анны не выдержал и застонал в голос:

— Нет, вы только послушайте! Я прекрасно помню, как ты требовала, чтобы именно тебе отдали комнату в мансарде!

— Ну, это когда было, — пожала плечами Анна. — Теперь комнатка стала маловата.

Папа принялся убирать грязную посуду, оставшуюся после завтрака. Да так громко, что на весь дом было слышно!

— Сначала перестановка, потом вдруг понадобилось стены перекрашивать, а теперь ещё и комнаты менять? И не говорите потом с мамой, что я помогать не хочу. Я-то помогу, но прежде определитесь, что вам нужно!

И папа Анны скрылся в своём кабинете, громко хлопнув дверью. Он философ, то есть такой человек, который всё время размышляет о судьбах мира и о том, что в жизни главное. Прямо как тот Аристотель, в честь которого меня назвали. Хотя лично я давным-давно бросил попытки понять мир. Какое там, семейку бы эту понять.

Мама погладила Анну по голове.

— Мы перекрасим стены, Анна. Как-нибудь потом. Пока разбери вещи, которые нужно отнести в подвал.

Так, а меня кто будет гладить, интересно? А утешать? Анне явно не до этого. Она ушла в свою комнату, завалилась на кровать и позвонила Кларе:

– Потом! У нас в семье «потом» значит «никогда»!

Я слышал, как Клара пыталась приободрить подругу, но та продолжала трещать без умолку:

– Вот так всегда! И собаку не дарят, а я о ней всю жизнь мечтаю! Спорим, и на этот день рождения не дождусь?

Что-что? Мне показалось? Она правда сказала «собака»? Анна хочет собаку?

Я принялся лапой прочищать уши – думал, что ослышался. Зачем Анне какой-то пустобрёх? У неё же есть я! Нет, такого просто быть не может.

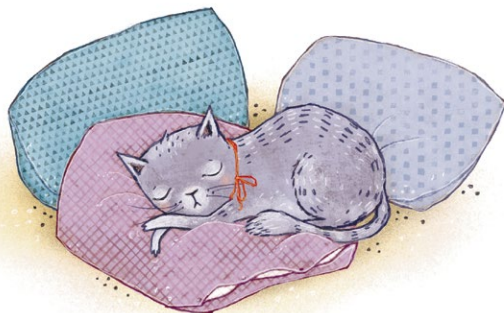
– Пойду спрошу, можно ли у тебя переночевать, – продолжила Анна. – В этой ужасной розовой комнате я больше никогда спать не буду. Сами виноваты!

Анна ушла. Про меня, похоже, она опять забыла. Я забрался на подоконник и смотрел, как она шагала прочь от дома с рюкзаком за плечами. Я так ждал, что она мне хотя бы помашет рукой, как обычно делает, уходя в школу. Но увы. Напрасны были мои ожидания. Внезапно у меня заболел живот. Как будто я слопал целый праздничный торт. А она даже

не обернулась. Ну конечно, откуда ей было знать, что у меня болит живот?

Я просто не верил своим ушам. Может, Анна не говорила «собака»? А что тогда? Зевака? Атака? Бумага? Она же себе в комнату хотела колонки – вдруг есть такое название фирмы в рифму со словом «собака»? Или Анне настоящая собака нужна? Она любит мягкие игрушки. Точно! Вот это похоже на правду. Не может же нормальная умная девочка мечтать о каком-то пустобрёхе?

Немного успокоившись, я прыгнул к Анне на кровать и решил прямо здесь и заночевать. Девочки дома нет, поэтому никто меня не хватится. А розовые стены – ну кому они мешают? Мне кажется, что так очень даже уютно. Да кто ж кота-то спросит?

Ах, до чего же дома хорошо! Главное, тихо. Линда была ещё в садике, Олли ушёл на занятия – он учился играть на барабанах. А я сидел на подоконнике и нежился в солнечных лучах – они красиво переливались на моей шубке. Через стекло солнце, кажется, грело сильнее, чем на улице, – правда, не могу вам объяснить почему.

Зато могу объяснить, почему я не сидел на кровати Анны, на моём любимом месте. Просто сейчас там творился полный бардак. И на полу тоже – чего только не было! А в центре восседали Анна и Клара – девочки разбирали старые игрушки. Хотя мне, наверное, стоило порадоваться: может быть, они выкидывают всё лишнее и для меня освободится местечко?

Но если эти девчонки продолжают работать в том же темпе, они и до Нового года ничего не успеют! Между тем комната должна быть через неделю готова: гости придут на день рождения Анны. Нет же – подружки вовсю болтали, играли. Сначала построили лабиринт и катали в нём шарик от настольного тенниса,

потом за карты взялись. А сейчас башню возвели из деревянных кубиков. Она то и дело у них рушилась — девочки визжали от восторга.

Попробовал я было помочь — хвостом махнул, а Анна на меня принялась ругаться:

— Аристотель, уходи отсюда! Не путайся под ногами!

Поэтому я обиделся и лёг на подоконник. Нельзя так со мной обращаться! Я в последнее время столько всего пережил, просто ужас какой-то! Ну вот скажите, есть ли ещё семьи, в которых одну-единственную комнатку готовят к покраске аж целую неделю? Ведь Анна всё же сумела на своём настоять. И это значит — семь дней крик, беспорядок, грязь повсюду. Помните, по всему дому ботинки валялись? Теперь к ним ещё и малярные инструменты добавились. Шкаф и уютную кровать затащили плёнкой, Анна ушла спать в комнату к Линде. И везде эта краска! Мокрая и противная!

Ну и вишенка на торте — Анне вдруг разонравилась краска для стен, которую она хотела. Вот это был спектакль! А девочка, между прочим, сама с папой в магазин стройматериалов ходила, и краску они вместе выбирали. Не успели одну стену докрасить, как всё стало не так.

